

Кулагина Ирина Васильевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Российская Федерация
kulagina.i.v@mail.ru

**Исследование психологических особенностей женщин
с нарциссическими чертами личности,
имеющих умеренную выраженность зависимости от социальных сетей**

Аннотация. Распространенность зависимости современного человека от социальных сетей не может не сказаться на появлении особенностей в структуре его личности. Цель нашего исследования заключалась в изучении специфики структурных компонентов личности женщин, имеющих проявленность нарциссических черт и умеренную зависимость от социальных сетей. Полученные эмпирические данные позволили выделить такие факторы, как «Индивидуалистичность», «Конфликтность», «Уверенность в своей правоте», «Уверенность в своей уникальности», «Конкурентная позиция», «Толстокожесть», «Демонстративный поведенческий стереотип», «Защитное поведение», «Потребность в теплых эмоциональных отношениях с окружающими».

Ключевые слова: зависимость от социальных сетей, нарциссические черты личности, интернет-аддикция.

Раздел: 5.3. Психология.

Введение

Жизнь современного человека не обходиться без использования цифровых ресурсов. Использование сети Интернет во многих аспектах облегчает жизнь, например, посредством быстрого информирования по интересующему вопросу или возможности общения с человеком на расстоянии, можно также погрузиться в контент различного развлекательного содержания и отвлечься от каких-то забот и трудностей. Но одни люди используют интернет по необходимости, другие же с течением времени обнаруживают у себя интернет-зависимость.

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии опубликовано множество результатов исследований, касающихся причин и механизмов развития интернет-зависимости, много работ посвящено поиску коррелятов между проявлением данной аддикции и различными свойствами личности. Так, в исследованиях Ц. П. Короленко и Т. А. Шпикс было установлено, что все механизмы аддиктивного поведения схожи и направлены либо на достижение удовольствия, либо на преодоление стрессовых состояний [1]. По мнению Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского основными predispositionами формирования зависимого поведения являются такие личностные особенности как: неуверенность в себе, заниженная самооценка, колебания эмоциональной сферы [2]. Как и другие виды зависимостей интернет-аддикция имеет несколько видов по объекту. Например, С. И. Выгонский [3] выделяет зависимость от информационных порталов, гейминг, шоппинг, зависимость от социальных сетей. Нас особенно заинтересовала зависимость от социальных сетей, поскольку этот ресурс предоставляет чело-

веку сразу несколько возможностей для самореализации – это и получение информации различного рода, и общение с разнообразными собеседниками, и развлекательный контент. Также при использовании социальных сетей можно реализовать потребность в самопрезентации и потребность в оценке и внимании других людей.

Психологов по всему миру также интересует проблематика зависимости личности от социальных сетей, что отражено, опять же, во множестве публикаций на эту тему. В. П. Шейнов опубликовал статью, содержащую обзор таких исследований [4].

Анализируя научные публикации, мы обнаружили, что наибольшую склонность к данному виду аддикции проявляют женщины, а также лица, испытывающие тревожность, депрессивные состояния и ощущающие себя одинокими. Например, исследования К. С. Андреассена, Т. Торсхайма, Г. С. Брунборга, С. Паллесена указывают на обратно пропорциональную связь между возрастом и степенью зависимости от социальных сетей. В их исследовании подчеркивается, что данная зависимость наиболее характерна именно для женщин, мужчин более привлекает гейминг [5]. Возрастно-половая специфика зависимости от социальных сетей раскрыта и в исследовании С. Л. Дейли, К. Говарда, С. М. П. Роуминга, Н. Себаллос и Т. Граймса [6].

В исследовании Б. А. Примака, М. А. Бисби, А. Шенса и соавторов обнаружена устойчивая прямая взаимосвязь между количеством посещаемых Интернет-площадок и степенью выраженности симптомов хронического стресса и депрессии [7]. Результаты исследований В. А. Розанова и А. С. Рахимкуловой также свидетельствуют том, что, чем активнее личность использует ресурсы социальной сети, тем выше скорость образования у нее тревожно-депрессивной симптоматики [8]. Исследования, реализованные М. Коч и С. Гулягчи, также подтвердили, что наблюдаются прямые корреляционные связи между проявленностью аддикции от социальных сетей и симптомами тревоги, депрессии и бессонницы, при этом обнаружены обратные взаимосвязи между данной аддикцией и удовлетворенностью собственной жизнью [9].

В ряде исследований была обнаружена и взаимосвязь зависимости от социальных сетей и нарциссических черт личности. Например, исследования Э. Л. Буффарди, У. К. Кэмпбелла [10] указывают на обусловленность выраженности зависимости от социальных сетей у лиц с нарциссическими чертами личности тем, что именно в данной среде такие лица могут продемонстрировать свое идеальное «Я». Подтверждение данного факта эмпирическими результатами представлено и в исследовании С. Мехдизаде [11].

Возможно, описанная связь обусловлена самим принципом существования социальных сетей, который позволяет личности демонстрировать окружающим наиболее предпочтительный образ себя, с подчеркиванием собственной уникальности и достижений, компенсировать проблемы с самооценкой за счет положительной обратной связи (лайков) и т. д. Такое целевое использование социальных сетей свидетельствует о проявленности демонстративных и нарциссических черт личности.

Количество исследований, посвященных изучению специфики проявлений нарциссических личностных особенностей, также достаточно велико, что, по мнению, Е. О. Ермоловой [12] обусловлено тем, что современный человек «живет» больше во внешнем мире, чем во внутреннем.

Все обозначенные положения привели к возникновению у нас исследовательского интереса в отношении того, будут ли проявляться нарциссические черты и их корреляты у женщин, имеющих среднюю выраженность зависимости от социальных сетей. С этой целью нами было организовано эмпирическое исследование, состоящее из нескольких этапов. На первом этапе была сформирована эмпирическая выборка из двадцати женщин среднего возраста, которые по результатам теста К. Янг

на наличие интернет-аддикции продемонстрировали средние результаты, т. е. умеренную выраженность данной зависимости [13].

Далее на респондентах были реализованы такие диагностические методики, как:

1. Опросник «Нарциссические черты личности» (О. А. Шамшикова, Н. М. Клепикова) [14];

2. Опросник «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) [15].

Были получены достаточно интересные результаты, позволяющие говорить о том, что у женщин, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей, также доминируют нарциссические черты личности, в частности: отсутствие эмпатии, потребность в постоянном внимании и восхищении, ожидание особого отношения и манипуляции в межличностных отношениях.

Применение опросника, измеряющего агрессивность, было обосновано научными сведениями о проявлении у лиц с нарциссическими чертами враждебности и жестокости. Например, такие сведения можно найти в работе О. Ф. Кернберга [16]. В исследовании В. Л. Малыгина, А. А. Антоненко, Ю. А. Меркурьевой, А. С. Искандировой был установлен комплекс индивидуально-психологических свойств, достаточно часто встречающийся у личности с признаками выраженной Интернет-аддикции. В этот комплекс вошли такие особенности как: трудности концентрации внимания, агрессивность, трудности самоконтроля за поведением и эмоциональным реагированием, аффективная расторможенность, повышенная реактивность в ответ на фрустрирующие стимулы [17].

Согласно полученным нами данным у респондентов наиболее выраженными оказались черты вспыльчивости и бескомпромиссности, что отразилось и на высоких показателях обобщающей шкалы «Конфликтность». Реализованный далее корреляционный анализ выявил наличие устойчивых связей между шкалами «Отсутствие эмпатии» – «Негативная агрессивность» и «Мстительность». «Мстительность» и «Манипуляции в межличностных отношениях». «Грандиозное чувство самозначимости» и «Позитивная агрессивность». «Вера в собственную уникальность» и «Напористость». «Поглощенность фантазиями» и «Нетерпимость к мнению других».

Таким образом, можно констатировать, что только две шкалы опросника «Нарциссические черты личности», имеющие высокие показатели, оказались связаны с проявлениями агрессивности. Повышенные же показатели шкал методики «Личностная агрессивность и конфликтность» совсем не образовали корреляционных связей с нарциссическими чертами личности респондентов [18]. Такие результаты нас заинтересовали и способствовали возникновению гипотезы о более сложной структуре личности женщин среднего возраста, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей. Поэтому далее исследовательская цель была сформулирована следующим образом – изучение психологических особенностей женщин с нарциссическими чертами личности, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей.

Методология и результаты исследования

С целью проверки данной гипотезы на эмпирической выборке была реализована еще одна диагностическая методика, а именно Индивидуально-типологический опросник ИТО (Л. Н. Собчик) [19]. Выбор данного опросника обусловлен его широким диапазоном определения личностных особенностей. В частности можно получить такую интересующую нас информацию как тип эмоционального реагирования, особен-

ности мотивационной направленности, специфика межличностных отношений. Особенность конструкции методики состоит в том, что ее шкалы образуют полярные точки на континууме одного личностного свойства, что позволяет более объективно оценить его особенности у конкретного человека или группы лиц. Среди шкал ИТО также присутствуют особенности, которые авторами разных исследований описываются как predispositions лиц, имеющих зависимость от социальных сетей. Показатели шкал лжи и искренности свидетельствуют о достоверности полученных данных. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Полученные результаты опросника «ИТО» (средние показатели выборки)

<i>Шкала</i>	<i>Среднее значения</i>
Экстраверсия	4,76
Спонтанность	5,95
Агрессивность	4,20
Ригидность	4,85
Интроверсия	6,65
Сензитивность	7,00
Тревожность	6,20
Лабильность	6,15

Согласно референтным значениям, приведенным автором, можно отметить, что у наших респондентов показатели шкалы «Сензитивность» граничат с дезадаптацией, что может свидетельствовать о впечатлительности и повышенной важности мнений окружающих людей, а также о пессимистичности и склонности к депрессивным состояниям. В целом эти особенности отмечены в научных исследованиях, касающихся коррелятов зависимости от социальных сетей и Интернета и в изучении лиц с нарциссическими чертами.

Приближаются к акцентуированным черты, составляющие шкалы «Интроверсия», «Тревожность», «Лабильность» и отчасти «Спонтанность». Такие показатели характеризуют женщин, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей как склонных к уходу в мир иллюзий и фантазий с потребностью в близких отношениях для поддержания хорошего самоотношения. При этом они отличаются достаточно быстрой сменой настроения и интересов, стремлением к яркой самопрезентации. Респонденты испытывают потребность во множестве разнообразных контактов и способны увлечь окружающих своими идеями, но при этом для них характерна мотивационная неустойчивость и импульсивность. Также представителям выборки свойственна склонность к драматизированию ситуаций и в случае неблагоприятного их исхода высока вероятность возникновения мнительности, навязчивых реакций и мыслей, что проявляется в прерывании межличностных контактов в случае ощущения их субъективной неудовлетворенности. Показатели остальных шкал методики ИТО можно рассматривать как чуть превосходящие границы нормативности в четыре балла. При этом показатель агрессивности, который часто отмечается в исследованиях как присущий и лицам с нарциссическими чертами и лицам, зависимым от сети Интернет и социальных сетей, в частности, у наших респондентов самый низкий.

Сочетание высоких показателей по обозначенным шкалам отражается на доминировании у респондентов таких стилей в межличностных отношениях как компромиссность и зависимость. Стоит отметить, что вновь мы получили интересные данные о личностных особенностях эмпирической выборки, что подтверждает необходимость

проведения статистических процедур снижения размерности данных и сведения их к более компактному числу латентных факторов.

Но перед этим мы реализовали корреляционный анализ с применением коэффициента r -Пирсона для изучения взаимоотношений между переменными, входящими в качестве шкал в методики «Нарциссические черты личности» (О. А. Шамшикова, Н. М. Клепикова) и «Индивидуально-типологический опросник» (Л. Н. Собчик). Выбор данного критерия корреляции обусловлен нормальным распределением данных в эмпирической выборке, что было подтверждено итогами применения критерия Колмогорова-Смирнова.

Были получены следующие данные. Наибольшее количество связей отмечается у шкалы «Экстраверсия» методики ИТО, но в ее противоположном значении – интроверсия. Так интроверсия связана с показателями шкал «Ожидание особого отношения» ($r = -0,52$ при $p < 0,05$), «Манипуляции в межличностных отношениях» ($r = -0,58$ при $p < 0,01$), «Отсутствие эмпатии» ($r = -0,60$ при $p < 0,01$), «Сверхзанятость чувством зависти» ($r = -0,49$ при $p < 0,05$). Такие результаты могут свидетельствовать об эгоистическом погружении в собственный внутренний мир с его стремлениями и требованиями, что в итоге приводит к появлению в поведенческих реакциях выше обозначенных феноменов. Такие личности не обозначают свою потребность во внимании вслух, но при этом продолжают ожидать восхищения и особого отношения окружающих, создавая для этого при необходимости ситуации противоречивого или провокационного характера. Можно предположить, что обнаруженная связь данных переменных обусловлена и тем, что, по мнению Е. А. Миловой [20] относительно взаимодействия в социальных сетях понятие «дружба» изменяет свое содержательное наполнение. В ряде исследований также подчеркивается, что интровертированность может быть связана с зависимостью от социальных сетей, которые в таком случае выступают как компенсаторный инструмент. Например, в исследовании Д. Дж. Кисс и М. Д. Гриффитс [21]. Так, при возникновении непонимания со стороны окружающих в реальной жизнедеятельности можно компенсировать неудовлетворительное самочувствие посредством организованного по «своим правилам» общения с виртуальным собеседником.

Также были обнаружены связи шкал «Грандиозное чувство самозначимости» и «Спонтанность» ($r = 0,65$ при $p < 0,01$), что может указывать на склонность к импульсивным поступкам, продиктованным стремлением к самопрезентации. Связь шкал «Поглощенность фантазиями» и «Тревожность» ($r = 0,55$ при $p < 0,05$) скорее всего указывает на защитный механизм, к которому прибегают респонденты в случае ощущения своей уязвимости. Шкала «Отсутствие эмпатии» оказалась также связана с показателями шкалы «Агрессивность» ($r = 0,64$ при $p < 0,01$), что подтверждает тезисы в научных исследованиях о проявлении жестокости и агрессивности у лиц, имеющих зависимость от социальных сетей и нарциссические черты личности.

В целом, анализируя результаты, полученные в ходе корреляционного исследования, можно отметить их согласованность с теми данными, которые представлены в различных научных публикациях.

На следующем этапе исследования к диагностическим показателям всех трех методик был применен метод главных компонент. К нашему удивлению, факторизация не слишком помогла в формировании упрощенной структуры, что позволяет говорить о том, что в случае наших респондентов не все зарегистрированные в научных исследованиях факты подтвердились.

В ходе факторизации образовались девять компонентов с различным количеством шкал.

Так в первый самый крупный фактор вошли такие шкалы как: «Отсутствие эмпатии» (у наших респондентов показатели этой шкалы очень высокие и ее факторная нагрузка оказалась одной из самых больших – 0,90), «Мстительность» (0,83), «Интроверсия» (0,70), «Негативная агрессивность» (0,67), «Манипуляции в межличностных отношениях» (0,58). За исключением интроверсии корреляции между этими шкалами были уже обнаружены нами ранее, т.е. «вклад» из методики ИТО в этот фактор только шкала интроверсии, которая у Л. Н. Собчик носит еще название «Индивидуалистичность». Именно такое название и оставим у этого фактора. Можно сказать, что объединение этих шкал характеризует респондентов как лиц, сконцентрированных исключительно на собственных интересах и потребностях, стремящихся их удовлетворить любыми способами, даже манипулируя другими людьми.

Второй фактор образован следующими шкалами: «Конфликтность» (0,90), «Подозрительность» (0,80), «Обидчивость» (0,74), «Спонтанность» (0,73), «Грандиозное чувство самозначимости» (0,55). Большинство переменных данного фактора принадлежат одной методике «Личностная агрессивность и конфликтность». Обозначим название этого фактора как «Конфликтность». Сочетание данных шкал свидетельствует в пользу «искусственности» чувства собственной значимости у респондентов, вследствие чего в поведении окружающих лиц отыскиваются индикаторы, которые трактуются респондентами как ущемление их уникальности.

В третий фактор вошли следующие шкалы: «Негативная агрессивность» (0,52), противоположный полюс шкалы «Тревожность» (–0,83) – спокойствие, противоположный полюс шкалы «Поглощенность фантазиями» (–0,81) – реалистичность, «Нетерпимость к мнению других» (0,77). Можно обозначить этот фактор как «Уверенность в своей правоте». Комбинация данных шкал может указывать на то, что респонденты некритично воспринимают и оценивают события окружающей жизни, если они идут в разрез с представлением о значимости собственной личности.

Четвертый фактор образован шкалами: «Вера в собственную уникальность» (0,89), «Напористость» (0,85), «Позитивная агрессивность» (0,70). Оставим название «Уверенность в своей уникальности». Можно предположить, что и в ситуациях, не сильно угрожающих грандиозности Я респондентов, они также склонны отстаивать свое мнение, ссылаясь на различные факторы: опыт, авторитет, знания и т.д.

В пятый фактор вошли: «Сверхзанятость чувством зависти» (0,86), противоположный полюс экстраверсии – интроверсия (–0,69), «Ожидание особого отношения» (0,68), и противоположный полюс шкалы «Потребность в постоянном внимании и восхищении» (–0,52) – удовлетворенность степенью внимания. Можно обозначить название этого фактора как «Конкурентная позиция». Такая комбинация шкал наводит на мысль о том, что поведенческая стратегия респондентов имеет свои истоки не столько в личностных характеристиках, сколько в присвоении поведенческого стереотипа, транслируемого в социальных сетях, для удовлетворения своих потребностей во внимании и принятии.

Шестой фактор – это шкалы: противоположный полюс шкалы «Вспыльчивость» (–0,75) – уравновешенность, противоположный полюс шкалы «Сензитивность» (–0,72) – нечувствительность, «Ригидность» (0,58), «Агрессивность» (0,56). Обозначим как «Толстокожесть». Такая комбинация личностных черт, возможно, отражает особенности поведения респондентов, вне ситуаций доказательства собственной значимости и уникальности. В ситуациях каждодневного бытового взаимодействия.

Седьмой фактор образован шкалами: «Ригидность» (0,55), «Дерзкое заносчивое поведение» (0,93), «Грандиозное чувство самозначимости» (0,67). Назовем этот фактор «Демонстративный поведенческий стереотип». Сочетание данных шкал, возможно,

обусловлено тем, что дерзкое и провокационное поведение практически всегда привлекает внимание окружающих, тем самым подкрепляя чувство самозначимости.

В восьмой фактор вошли шкалы: противоположный полюс «Манипуляции в межличностных отношениях» (–0,48) – взаимопонимание, «Обидчивость» (0,45), «Позитивная агрессивность» (0,42), «Неуступчивость» (0,51). Обозначим как «Защитное поведение». Можно предположить, что зачастую манипуляции в межличностных отношениях респонденты применяют для получения внимания и понимания окружающих людей, поскольку данные потребности для человека являются базовыми [22].

Девятый фактор образован шкалами: «Сензитивность» (0,41), «Лабильность» (0,84), «Потребность в постоянном внимании и восхищении» (0,72). Можно назвать этот фактор как «Потребность в теплых эмоциональных отношениях с окружающими». Сочетание шкал данного фактора еще больше указывает на то, что респонденты испытывают потребность в хороших межличностных отношениях с окружением, при этом имеют свое представление о том, как это должно быть.

Дисперсия шкалы «Неуступчивость» внесла свой вклад в такие факторы, как: «Конфликтность», «Уверенность в своей правоте», «Уверенность в своей уникальности», «Защитное поведение», что вполне согласуется с выбранными названиями факторов и их содержанием.

Дисперсия шкалы «Агрессивность» была обнаружена в составе таких факторов как: «Уверенность в своей правоте», «Уверенность в своей уникальности», «Невнимательность к окружающим», что также содержательно вполне объяснимо психологической связью данных поведенческих проявлений.

В целом, можно сказать, что цели добиться снижения размерности диагностических данных с помощью применения факторного анализа, мы не достигли, поскольку девять факторов слишком много. Но мы получили более ясное представление о структуре личностных особенностей женщин, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей.

Таким образом, можно говорить о том, что женщинам среднего возраста, имеющим умеренную зависимость от социальных сетей свойственны следующие укрупненные поведенческие паттерны, обусловленные совокупностью личностных свойств: «Индивидуалистичность», «Конфликтность», «Уверенность в своей правоте», «Уверенность в своей уникальности», «Конкурентная позиция», «Толстокожесть», «Демонстративный поведенческий стереотип», «Защитное поведение», «Потребность в теплых эмоциональных отношениях с окружающими».

Если рассматривать последовательность факторов в обратном порядке, то можно сказать, что женщины-респонденты испытывают потребность в принятии и хороших взаимоотношениях с окружающими, но, видимо, в силу различных факторов эта базовая потребность у них не удовлетворена, что и вызывает как следствие поведенческие проявления демонстративности, пренебрежения, конфликтности и, в итоге, преимущественной концентрации на собственной личности и интересах. Этим же, возможно, и объясняется хоть и умеренная, но зависимость от социальных сетей, где взаимодействие с виртуальными собеседниками позволяет удовлетворить потребность во внимании и принятии.

Заключение

Таким образом, нами было спланировано и реализовано эмпирическое исследование, направленное на определение психологических особенностей женщин с

нарциссическими чертами личности, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей. Можно сказать, что некоторые из полученных нами результатов подтвердили факты, опубликованные в научной психологической литературе и периодике. Но многие данные оказались достаточно противоречивыми и не вполне согласующимися друг с другом. Так, мы определили, что большая часть женщин среднего возраста имеет умеренную зависимость от социальных сетей, но при этом им свойственны существенные проявления нарциссических черт личности, обычно диагностируемых у лиц с сильной степенью аддикции. Так на первых этапах исследования у наших респондентов были выявлены такие особенности как: «Потребность в постоянном внимании и восхищении», «Ожидание особого отношения», «Манипуляции в межличностных отношениях», «Отсутствие эмпатии». Кроме этого респонденты отличаются: вспыльчивостью, бескомпромиссностью, обидчивостью и конфликтностью.

В рамках следующих исследовательских этапов к «портрету» личности респондентов добавились такие особенности как: сензитивность, интроверсия, тревожность, лабильность и спонтанность. При этом самой выраженной особенностью явилась сензитивность, но в ходе реализованного далее корреляционного анализа она не образовала ни одной связи со шкалами методики «Нарциссические черты личности» (О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова). Наибольшее количество связей было образовано обратным плюсом шкалы «Экстраверсия», т.е. интроверсией при том, что собственно показатели одноименной шкалы не были вовлечены ни в какие корреляционные отношения.

Реализованный далее факторный анализ не значительно помог в сокращении исходной размерности данных и привел к выделению девяти факторов в структуре личности наших респондентов. Их содержательное наполнение достаточно разнообразно, что привело к некоторым трудностям в выборе названий факторов. В итоге выделенные факторы получили такие названия: «Индивидуалистичность», «Конфликтность», «Уверенность в своей правоте», «Уверенность в своей уникальности», «Конкурентная позиция», «Толстокожесть», «Демонстративный поведенческий стереотип», «Защитное поведение», «Потребность в теплых эмоциональных отношениях с окружающими».

Подводя итог, можно сказать, что в целом поставленная в исследовании цель достигнута и получено эмпирическое представление о психологических особенностях женщин с нарциссическими чертами личности, имеющих умеренную зависимость от социальных сетей. Но разнородность и некоторая противоречивость полученных результатов ориентируют нас на организацию дополнительных этапов исследования.

Ссылки на источники

1. Короленко Ц. П., Шпикс Т. А. Психофизиологические механизмы и структура аддиктивных нарушений // Неврологический вестник им. В. М. Бехтерева. – 2014. – XLVI. – № 2. – С. 13–19.
2. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Профилактика наркомании и алкоголизма. – М.: Академия, 2003. – 176 с.
3. Выгонский С. И. Обратная сторона интернета: психология работы с компьютером и сетью. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 316 с.
4. Шейнов В. П. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18. – № 3 (2021). – С. 607–630.
5. Andreassen C. S., Torsheim T., Brunborg G. S., Pallesen S. Development of a Facebook addiction scale // Psychological Reports. – 2012. – Vol. 110. – P. 501–517.
6. Dailey S. L., Howard K., Roming S. M. P. et al. A biopsychosocial approach to understanding social media addiction // Human Behavior. – 2020. – 2(2). – P. 158–157.
7. Primack B. A., Bisbey M. A., Shensa A. et al. The association between valence of social media experiences and depressive symptoms // Depression and Anxiety. – 2018. – Vol. 35 (8). – P. 784–794.

8. Розанов В. А., Рахимкулова А. С. Социальные сети и их влияние на психологическое благополучие личности. Психологическое благополучие и психосоциальный стресс / под ред. В. А. Розанова. – Одесса: Феникс, 2017. – С. 185–206.
9. Koc M., Gulyagci S. Facebook addiction among Turkish college students: The role of psychological health, demographic, and usage characteristics // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2013. – Vol. 16. – P. 279–284.
10. Buffardi E. L., Campbell W. K. Narcissism and social networking web sites // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2008. – Vol. 34. – P. 1303–1314.
11. Mehdizadeh S. Self-presentation 2.0: narcissism and self-esteem on Facebook // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. – 2010. – Vol. 13. – P. 357–364.
12. Ермолова Е. О., Тютюникова Н. В. «Психопатология» повседневной жизни: к вопросу о нарциссизме и классификации нарциссических черт личности // *Профессиональное образование в современном мире*. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 231–242.
13. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // *Мир – Интернет*. – 2000. – № 2. – С. 24–29.
14. Шамшикова О. А., Клепикова Н. М. Опросник «Нарциссические черты личности» // *Психологический журнал*. – 2010. – Т. 31. – № 2. – С. 114–128.
15. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – С. 401–404.
16. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / пер. с англ. М. И. Завалова. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 464 с.
17. Малыгин В. Л., Антоненко А. А., Меркурьева Ю. А., Искандирова А. С. Психопатологические феномены, сопровождающие интернет-зависимое поведение у подростков // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* – 2014. – № 3 (26). – URL: <http://mprj.ru>
18. Кулагина И. В. Исследование нарциссических черт у женщин, имеющих умеренную выраженность зависимости от социальных сетей // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2024. – № 12 (декабрь). – С. 365–373. – URL: <http://e-koncept.ru/2024/242022.htm>
19. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник: практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. – М.: ООО «Компания Боргес», 2010. – 59 с.
20. Милова Е. А. Влияние социальных сетей на психологию личности // *ИНТЕРЭКСПО ГЕОСИБИРЬ*. – 2012. – № 6. – С. 88.
21. Kuss D. J., Griffiths M. D. Addiction to social networks on the Internet: a literature review of empirical research // *International Journal of Environmental and Public Health*. – Vol. 8. – 2011. – P. 3528–3552.
22. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. – 3-е изд. – М. [и др.] : Питер, 2013. – 351 с.

Irina V. Kulagina,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Tolyatti State University, Tolyatti, Russian Federation

kulagina.i.v@mail.ru

A study of the psychological characteristics of women with narcissistic personal traits who demonstrate moderate social media addiction

Abstract. The wide spread of modern individual's addiction to social media cannot but affect the appearance of specifics in the structure of his/her personality. The aim of our study was to examine the specifics of the structural components of the personality of women with narcissistic traits and moderate addiction to social media. The empirical data obtained allowed us to identify such factors as «Individualism», «Proneness to conflict», «Self-righteous aggression», «Confidence in her uniqueness», «Competitive position», «Thick-skin», «Demonstrative behavioral stereotype», «Defensive behavior», «The need for warm emotional relationships with others».

Key words: addiction to social media, narcissistic personal traits, Internet addiction.

References

1. Korolenko, C. P., & Shpiks, T. A. (2014). "Psihofiziologicheskie mekhanizmy i struktura addiktivnyh narushenij", *Nevrologicheskij vestnik im. V. M. Bekhtereva*, XLVI, № 2, pp. 13–19 (in Russian).
2. Sirota, N. A., & Yaltonskij, V. M. (2003). *Profilaktika narkomanii i alkogolizma*, Akademiya, Moscow, 176 p. (in Russian).
3. Vygonskij S. I. (2010). *Obratnaya storona interneta: psihologiya raboty s komp'yuterom i set'yu*, Feniks, Rostov n/D, 316 p. (in Russian).
4. Shejnov, V. P. (). "Zavisimost' ot social'nyh setej i harakteristiki lichnosti: obzor issledovanij", *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 2021, t. 18, № 3 (2021), pp. 607–630 (in Russian).

5. Andreassen, C. S., Torsheim, T., Brunborg, G. S., & Pallesen, S. (2012). "Development of a Facebook addiction scale", *Psychological Reports*, vol. 110, pp. 501–517 (in English).
6. Dailey, S. L., Howard, K., Roming, S. M. P. et al. (2020). "A biopsychosocial approach to understanding social media addiction", *Human Behavior*, 2(2), pp. 158–157 (in English).
7. Primack, B. A., Bisbey, M. A., Shensa, A. et al. (2018). "The association between valence of social media experiences and depressive symptoms", *Depression and Anxiety*, vol. 35 (8), pp. 784–794 (in English).
8. Rozanov, V. A., & Rahimkulova, A. S. (2017). *Sotsial'nye seti i ih vliyanie na psichologicheskoe blagopoluchie lichnosti. Psichologicheskoe blagopoluchie i psichosotsial'nyj stress*, Feniks, Odessa, pp. 185–206 (in Russian).
9. Koc, M., & Gulyagci, S. (2013). "Facebook addiction among Turkish college students: The role of psychological health, demographic, and usage characteristics", *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 16, pp. 279–284 (in English).
10. Buffardi, E. L., & Campbell, W. K. (2008). "Narcissism and social networking web sites", *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 34, pp. 1303–1314 (in English).
11. Mehdizadeh S. (2010). "Self-presentation 2.0: narcissism and self-esteem on Facebook", *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, vol. 13, pp. 357–364 (in English).
12. Ermolova, E. O., & Tyutyunikova, N. V. (). "Psihopatologiya" povsednevnoj zhizni: k voprosu o narcisizme i klassifikacii narcissicheskikh chert lichnosti", *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 2021, t. 11, № 2, pp. 231–242 (in Russian).
13. Yang, K.S. (2000). "Diagnoz – Internet-zavisimost", *Mir – Internet*, № 2, pp. 24–29 (in Russian).
14. Shamshikova, O. A., & Klepikova, N. M. (2010). "Oprosnik "Narcissicheskie cherty lichnosti", *Psichologicheskij zhurnal*, t. 31, № 2, pp. 114–128 (in Russian).
15. Il'in, E. P. (2002). *Motivaciya i motivy*, Piter, pp. 401–404 (in Russian).
16. Kernberg, O. F. (2000). "Tyazhelye lichnostnye rasstrojstva: Strategii psihoterapii", Nezavisimaya firma "Klass", Moscow, 464 p. (in Russian).
17. Malygin, V. L., Antonenko, A. A., Merkur'eva, Yu. A., & Iskandirova, A. S. (2014). "Psihopatologicheskie fenomeny, soprovozhdayushchie internet-zavisimoe povedenie u podrostkov", *Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn*, № 3 (26). Available at: <http://mprj.ru> (in Russian).
18. Kulagina, I. V. (2024). "Issledovanie narcissicheskikh chert u zhenshchin, imeyushchih umerennuyu vyrazhennost' zavisimosti ot sotsial'nykh setej", *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"*, № 12 (dekabr'), pp. 365–373. Available at: <http://e-koncept.ru/2024/242022.htm> (in Russian).
19. Sobchik, L. N. (2010). *Individual'no-tipologicheskij oprosnik: prakticheskoe rukovodstvo k tradicionnomu i komp'yuternomu variantam testa*, ООО "Kompaniya Borges", Moscow, 59 p. (in Russian).
20. Milova, E. A. (2012). "Vliyanie sotsial'nykh setej na psihologiyu lichnosti", *INTEREKSPO GEOSIBIR'*, № 6, p. 88 (in Russian).
21. Kuss, D. J., & Griffiths, M. D. (2011). "Addiction to social networks on the Internet: a literature review of empirical research", *International Journal of Environmental and Public Health*, vol. 8, pp. 3528–3552 (in English).
22. Maslou, A. G. (2013). *Motivaciya i lichnost'*, 3-e izd, Piter, Moscow, 351 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	09.04.25	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	18.06.25
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	18.06.25	Опубликована <i>Published</i>	31.07.25

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Кулагина И. В., 2025